

Часть 1

(от лица Хорикиты Сузуне)

Прошло всего несколько минут, и окружение Кушиды-сан, выслушав речь Аянокоджи-куна, изменило свое отношение к ней на сто восемьдесят градусов. А ведь единство ее друзей по своей силе не уступало сплоченности группы Аянокоджи-куна. И теперь, по какой-то причине, эти отношения казались ужасно хрупкими.

Эта речь повлияла даже на меня – на ту, кто узнал прошлое Кушиды-сан из первых рук. Если бы он прямо сейчас попросил выдвинуть ее, я бы, наверное, согласилась.

Быть может, я раньше остальных могла запечатлеть частичку той силы, которой обладает Аянокоджи-кун.

Происходящее в классе напоминает преисподнюю. По окончании перерыва, вполне вероятно, большинство выдвинут Кушиду-сан, против нее и начнется голосование. Скорее всего, на этом специальный экзамен будет завершен.

Наш класс принесет в жертву одноклассника, вместе с тем получит сто очков – ценный актив, открывающий нам дорогу в класс А.

Вот только...

Сперва нужно разобрать ситуацию по полочкам.

Для каждого время должно идти одинаково, но в моем случае секунда текла медленнее обычного. Стрелка аналоговых часов, явно не вписывающихся в этот класс, замедлились так сильно, что, казалось, и вовсе остановилась. А вот восприятие напротив, стало острее.

Нужно спросить себя: «Какова моя цель?».

Ответом станет: «Конечно же, выпуститься из класса А».

Следовательно, нам необходимы классные очки. Очевидно.

Поставим вопрос по-другому: «Какова ценность Кушиды-сан?»

Нелегко вот так оценить отдельно взятого ученика.

Но если меня таки спросят, стоит ли разменивать ее на сто очков, моим ответом будет: «Нет».

Тогда изменим подход.

Провал на специальном экзамене сулит потерей трехсот пятидесяти классных очков. Но взамен мы защитим Кушиду-сан.

Можно ли с ее помощью восполнить потери? Вряд ли это абсолютно невозможно, но задача не из легких. Дело не в ней, со мной было бы точно также.

Исключить Кушиду-сан, поскольку она не стоит трехсот пятидесяти очков. Довольно заурядный ход мыслей.

Как же тогда я, Хорикита Сузуне, хочу поступить с ученицей по имени Кушида Кикё? Хочу ли я просто спасти ее из-за своей беспечности? Или избавиться – по той же причине?

Я полностью сосредоточилась. Обуздала время, а галдеж словно и вовсе затих.

Можно ли оставить ситуацию на усмотрение Аянокоджи-куна?

Разумеется, нет.

Тогда начинай думать. Что правильно, а что – ошибочно? Есть ли что-то, что могу сделать только я?

Я признаю, уважаю и переосмысливаю способности Аянокоджи-куна.

Сквозь тьму сомкнутых век пробивается одинокий луч света.

Ах, вот оно...

Наконец я пришла к однозначно очевидному ответу.

Кушида-сан будет исключена. И вот этот исход окажется «неверным решением». Стало быть, единственный человек, кто может ее спасти, – я сама.

Застывшее время оттаяло, а стрелки часов возобновили ход.

Часть 2

(от лица Аянокоджи)

Все ученики один за другим начали соглашаться с исключением Кушиды. Тем не менее нашелся один, кто пошел вопреки всем:

— Тебе не стоит заходить еще дальше, Кушида-сан. Иначе не сможешь обратить все вспять.

— Что? Самое интересное только начинается. Не мешайся, Хорикита-сан.

— Нет, этого я позволить не могу. Я не стану и дальше выслушивать все эти гадости.

— Так моя правда - гадости?

Непонятно, приняла ли Кушида комментарий за похвалу, но сейчас она с куда большим воодушевлением взглянула на Хорикиту.

— Да. Уж красивым поступком подобные разоблачения не назовешь. Но это касается не только тебя одной, но и остальных, чьи секреты ты раскрыла, - людей, что жаждут твоего исключения.

Не выдержав таких неожиданных замечаний в свой адрес, одноклассники тут же подняли шум:

— А причем тут мы?! Мы же ничего плохого не сделали!

— Вы рассказывали Кушиде-сан секреты, которые предпочли бы скрыть ото всех. Почему?

— Н-ну, мы думали, что Кушиде-сан можно доверять. А она...

— Именно. В классе Кушиде-сан безоговорочно доверяют. А доверия обычно добиться весьма непросто, тем более в той степени, чтобы разделять самые сокровенные тайны. Таких людей можно по пальцам пересчитать. Разумеется, за свой поступок с раскрытием Кушида-сан похвалы не заслуживает. Но это не значит, что ее темная сторона должна поражать. Так или иначе, в каждом из нас есть то, что хотелось бы упрятать, согласны?

Люди, которые не скрываются за ложью и всегда честны с собой и своими чувствами, встречаются крайне редко.

— Н-но какая разница, это она ведь продолжала голосовать «За». Такое нельзя простить, разве нет?

— Пожалуй. Слишком эгоистично поступать так лишь затем, чтобы добиться исключения меня или Аянокоджи-куна. Она должна осознать тяжесть ответственности за содеянное. Однако это не значит, что мы должны избавляться от нее. Вместо этого стоит воспользоваться ее

навыками, вынудить отработать сполна.

До одноклассников стали доходить намерения Хорикиты.

— Неужели ты ведешь к тому, что мы не должны исключать Кушиду-сан?

— Да. Я хотела бы оставить ее в этом классе.

— Че? Что ты несешь вообще? Сама же остановила меня!

Решение, по которому Кушида не будет исключена из школы. И возражать против него первой стала она сама.

— С чего ты взялась меня прикрывать? Ни за кого другого голосование все равно не состоится, так? Или тебе доставляет удовольствие пытаться меня до смерти? Нравятся мне твои наклонности, нет, правда...

— Прости, но я не большой любитель шуток. И говорю с тобой сейчас совершенно серьезно.

— Ну раз так, с радостью изменю мнение. Просто возобновлю сотворение ада!

— Знаешь, насколько я могу судить, на «ад» это вовсе не тянет.

— ...Ха? И на что же тогда оно тянет, по-твоему? Давай, я внимательно слушаю!

— Выглядело по-идиотски и смехотворно, этой глупостью ты всего лишь выставила себя в дурном свете.

— Что?

— Да, ты немногим больше преуспеваешь в учебе по сравнению с обычным учеником. Но в голове у тебя каша. В средней школе ты разрушила свой класс, предав огласке доверенные секреты, лишь из-за того, что раскрылась твоя истинная натура, так? Ты поступила в эту школу от раскаяния, однако тебе не повезло – здесь ты встретишься со мной. Но мало того, спустя несколько дней еще и Аянокоджи-кун узнал про твое истинное лицо. Просто смехотворно. Но это еще не все. Его так-то совершенно не волновало твое прошлое. Тем не менее ты сама рассказала о случившемся во всех подробностях, потом тебе вдруг ни с того, ни с сего стало невыносимо его присутствие, и в результате зациклилась на его исключении. Вдобавок, ты решила извлечь преимущество и заключила сделку с Аянокоджи-куном, которая затем обернулась против тебя же. Посмотри, что из этого вышло. Ты неслась напролом со своим голосом «За» ради того, чтобы выдворить любого из нас, и не заметила, как у тебя выбили землю из-под ног, — выдохнула издевательски Хорикита.

В какой-то момент злорадная улыбка Кушиды внезапно исчезла, а выражение ее лица исказилось гневом.

— Ты ни черта не знаешь, что я чувствую, хватит нести что в голову взбредет! Я хочу быть лучшей! Я хочу упиваться наслаждением, даже утопая в треклятом стрессе! Ради этого я готова избавиться от тебя, но как будто в этом есть что-то плохое!

— Не знаю, что ты чувствуешь? Так откуда мне знать-то? Ты заиклилась на себе, выслушивала проблемы остальных и копила их в себе. Но так и не смогла найти того, с кем ты могла бы поговорить о собственных чувствах.

Кушида крепко стиснула свои руки. Настолько сильно, что у нее начинали проступать вены.

— В твоем характере есть изъяны, и в моем тоже. Но по сравнению со мной ты прилагаешь намного больше усилий.

— Не смейся. И не смей врать! Ты специально подбираешь слова, чтобы они действовали мне на нервы?

— Я не лгу, а говорю горячо любимую тобой истину. Я искренне нахожу прекрасным твой талант и стремление сблизиться со столькими людьми, независимо от пола. Можно даже сказать, что завидую.

Тут же ученики, которым Кушида доставила неприятности, бросились оспаривать сказанное:

— Кушида-сан столько гадостей наговорила, но для тебя это кажется прекрасным?!

— Притворяться добрым. Делать хорошие поступки. По-вашему, это так ужасно? Легкомысленно вот так разбрасываться суждениями. Представьте себе, как трудно в принципе делать добро. Или что, у всех прямо есть талант с улыбкой протягивать руку помощи и раздавать советы?

Сколько стресса она испытывала, изо дня в день просто общаясь со своими друзьями?

Многие мечтают стать такой как Кушида, но все прекрасно понимают, что этому не суждено сбыться. Обычный человек не осилит пустые разговоры с людьми на протяжении длительного периода времени. Она же продолжала делать это с улыбкой на лице, из тени поддерживая их.

— Хватит уже, прекрати! Слышать больше не хочу от тебя этого дерьма.

— Почему? Как человек, умеющий заглядывать в душу, ты должна понимать, что я говорю это не с целью поиздеваться или унижить. Я искренне ценю тебя и твои навыки. — Хорикита,

предвосхищая возражение учеников, решила сразу их пресечь: — Класс потеряет многое, если человек с такими непревзойденными талантами окажется исключен.

— Прекрати!

— Вот почему я не могу согласиться с исключением Кушиды-сан. Я сделаю все возможное, чтобы выявить ее сильные стороны. Нет, я непременно этого добьюсь.

— Кому сказала, прекрати уже!!!

— Какая же ты непонятливая... Я прониклась к тебе глубокой симпатией в тот момент, когда узнала о тебе правду.

Если подумать, Кушида зачем-то во всех подробностях рассказала о своем прошлом, воспоминания о котором она хочет запечатать навсегда. Возможно, причина этому кроется не в желании добиться исключения, а в том, что она хотела бы найти того, с кем могла бы разделить сокрытые в глубинах сердца чувства.

По щекам Кушиды скатились крупные капли слез.

Затем она, точно ребенок, начала бессвязно всхлипывать.

«Бесит, бесит, бесит, бесит», – снова и снова повторяла она от обиды.

Но ее вполне можно понять. Любой, кто узнает об истинной натуре Кушиды, непременно отстранится от нее. Более того, уже отстранились. Тем не менее пробел заполнила Хорикита, которая до сих пор держалась на расстоянии. Для нее это казалось невыносимым. Она всей душой ненавидела Хорикиту, но та первая, кто проникся к ней пониманием. Пока непонятно, примет ли это Кушида, но одно сказать можно уже точно: какие-то изменения точно произойдут.

Я пришел к выводу, что Кушиду невозможно переубедить, потому результатом моего плана должно было стать ее исключение. Хорикита поступила наоборот – она встала на ее сторону и попыталась защитить.

Однако с этим решением нас ждала проблема.

— Не хочу перебивать, но скоро перерыв подойдет к концу. Каков следующий шаг?

Разумеется, придется выдвинуть кандидата – то есть провести голосование по рекомендациям.

— Времени у нас нет. Все, кто выбрал Кушиду-сан, – измените рекомендацию на меня. Объясню позже, — обратилась Хорикита к одноклассникам с просьбой выдвинуть ее, поскольку однажды уже самовывигалась.

— Хва... Хватит нести чушь! Исключат меня! Давайте, выберете меня и голосуйте уже!

— Это вовсе не чушь. Вот что я тебе скажу: ты – причина нынешней ситуации, а значит и ответственность нести тебе. Учти, я не приму твоего исключения из-за штрафного времени. Попытаешься намеренно это сделать, и я до конца жизни буду насмехаться над тобой. Ты навечно останешься посмешищем.

Полагаю, часть учеников все-таки сомневаются, кого именно им стоит выдвинуть, но сейчас явно не до этого.

— Время вышло. Поскольку Хорикита набирает больше половины голосов рекомендации, с этого момента объявляется голосование с ее кандидатурой.

Даже если бы избрали Кушиду, она отделается, поскольку Хорикита проголосует «Против». Голосование за исключение самой Хорикиты, разумеется, никогда не завершится единогласным «За».

Похоже, дешевая провокация против Кушиды возымела должный эффект.

Весь класс проголосовал менее чем за шестьдесят секунд.

Результаты двадцатого голосования: один голос «За», тридцать семь – «Против».

— Итак, у нас перерыв, поэтому продолжу. Я заявляю, что против исключения Кушиды-сан.

Вместе с тем та снова разразилась тирадой бессвязных слов, но Хорикита теперь просто пропускала их мимо ушей. Что, в свою очередь, стало еще одной раной для гордости Кушиды, и вскоре та умолкла. Даже если она вновь окажется в кандидатах на исключение, ничто не сломит противодействие Хорикиты.

Надо признать, неожиданный исход. Предполагалось, что она доведет начатое до конца, кем бы ни оказался противник. И тут ей внезапно кровь ударила в голову.

Тем не менее желание защитить Кушиду – не просто сиюминутная прихоть. Ведь Хорикита с уверенностью заявила, что сможет выявить ее сильные стороны, которые перекроют недостатки.

Можно сказать, она ступила на еще одну ступень выше и сделала это раньше ожидаемого.

Конечно, споры на этом не прекратятся. Многие не станут возражать против исключения Кушиды, представшей абсолютным злом в сложившейся ситуации.

Не то чтобы преграда была совсем непреодолимой, но Хорикита, вступившая в игру, не даст так просто соскочить. Еще нельзя исключать возможности, что она затянет экзамен до конца, чтобы никто из одноклассников не был исключен.

Прости, но этого я допустить никак не могу.

— Постой, Хорикита-сан. Если мы выберем защиту Кушиды-сан, выходит, нам остается только ждать исхода времени? — потребовал уточнения Йоске.

— Я понимаю, что на одной лишь гарантии ее безопасности не стоит заикливаться. Поэтому я озвучу мой вывод.

Нет, не может быть. Так вот, что ты затеяла?

— Мы должны всеми силами избежать провала на этом специальном экзамене. И необходимым условием для этого является исключение.

Выходит, она не только решилась спасти Кушиду, но и избавиться от кого-то другого. Как по мне, Хорикита действительно выросла, но я предвижу, что будет дальше, поэтому теперь мой черед.

Хорикита не обязана прямо сейчас примерять на себе жестокую роль, цель которой состоит в «избавлении от людей».

— Постой, — остановил я Хорикиту.

Пусть она отстаивает правильную позицию, но вынесение приговора ляжет тяжелым психологическим бременем. Можно было бы посчитать это за новый опыт, но эта ноша окажется для Хорикиты непосильной – по крайней мере, сейчас. Но что более важно, всего одна оплошность, и мы волей-неволей встанем на путь, чей конец – исход времени.

Лишь я один могу привести класс к единогласному решению с исключением одноклассника.

Я ощутил на себе взгляд, в котором читалась просьба: «Нет, не смей». И он заставил меня окончательно убедиться, что нам на ум пришел один и тот же человек.

— Кушида заслуживает исключения, как тот самый ученик, упорно голосовавший «За». Однако Хорикита тоже права, она довольно способная. В таком случае остается изменить подход.

— П-притормози чутка, Аянокоджи. Каждый в классе проголосовал «За», потому что понимал – предатель не он, разве нет? Какого черта ты теперь берешь слова обратно и хочешь исключить кого-то другого?! Я должен согласиться с этим, по-твоему?

— Скорее всего, твое недовольство, Ике, разделяют все в этом классе. Но нам придется прийти к наиболее справедливому решению.

— Справедливому?... Будто это возможно.

— Выбрать исключение ученика в обмен на классные очки. Само по себе исключение рассматривается в негативном ключе, однако при определенных условиях мнение изменится – скажем, избавиться нужно от предателя, кто неотступно голосовал «За». Конкретный выбор будет вполне оправдан, если получаемые классные очки принесут больше выгоды, чем ценность самого ученика. Иными словами, исключен должен быть нежелательный элемент класса на данный момент. По какому критерию судить? Ответ: «Общая оценка». То есть опираться на показатели академических и физических способностей, или другие навыки. Проще говоря, учеников вроде Хорикиты с лидерскими качествами, Йоске и Кей, обладающих способностью мобилизовать группы, не рассматриваем. Можете возразить, если показалось, что я выставляю ситуацию в выгодном для себя свете.

Одноклассники хранили молчание, ведь прекрасно осознавали, что на болтовню времени нет.

— И лучше не пытаться рассматривать вопрос с точки зрения потенциальной выгоды на дистанции. Крайне сложно объективно оценить, кто и как сильно сможет развиваться в будущем, поэтому в расчетах определенно будут допущения. Вывод: рейтинг в «ОИС» – вот справедливый критерий.

То есть числовое выражение способностей учеников от школы, не опирающиеся на эмоции.

На первое сентября наименьший показатель по «Общей оценке» в этом классе равен тридцати шести баллам. Можно хоть каждый день проверять свои баллы и положение в списке, но немногие обратят внимание на ученика в самом низу.

— На нижней строчке рейтинга в системе «ОИС» находится... Сакура Айри.

Я не смотрел в сторону Айри, но обвел взглядом весь класс.

— Э?.. Ты чего такое говорить удумал? Не время для дурацких шуток! — разъяренная Харука вскочила с места, уставившись на меня.

— Я просто выразил объективную оценку. Соглашаться с ней или нет – дело уже самого класса, – продолжил я, игнорируя личное мнение.

— Объективную? Какую такую объективную? По рангу в «ОИС»? Хочешь сказать, мы можем выгнать Айри? Да и к тому же... Как ты... Как ты-то можешь говорить о таком, Киёпон?!

— Хорошо, тогда кого, по-твоему, нам следует исключить?

— Н-ну, это...

— Те, кто не готовы прямо указать на кого-либо, не имеют ни нужных навыков, ни права выбирать, кого исключать.

— К-как насчет Ике-куна?! Его успеваемость и физические показатели не то чтобы сильно отличались от таковых у Айри, так ведь?

И правда – если судить по «ОИС», они оба располагались в самом низу списка. Однако у Ике тридцать семь баллов, что на один больше, чем у Айри. Всего на один шаг впереди.

— Тогда поступим вот как: поднимите руки те из вас, кто против исключения Айри.

Первой, не раздумывая, подняла свою Харука. Далее почти одновременно руки подняли Акито и Кейсей. Вполне закономерно для группы Аянокоджи.

— Стало быть, три человека? Тогда, кто из учеников против исключения Ике?

Группа парней с Судо в их числе, а также компания девушек, включая Шиохару и находившуюся в ее долгу Мори – все они, подняв руки, заявили о несогласии.

— Почему...

— Выстраивание дружеских уз – вполне достойная способность. Должен отметить, вот в чем как минимум она уступает Ике.

— Сможешь сказать то же самое, глядя Айри в глаза?!

— Если ты этого хочешь...

— Тц! Брось!

Я собирался заглянуть в глаза перепуганной Айри, когда Харука остановила меня.

— Можно поспрашивать за Хондо, Окию или еще кого, но никто не получит меньше трех голосов, как в случае Айри.

— Что за чушь... ты несешь? И правда, друзей у нас не так много. Но это не значит, что я позволю выгнать Айри только лишь поэтому!

Будь у меня иной выбор, я бы непременно им воспользовался. Но мы уже миновали точку невозврата.

— Но, если говорить откровенно... Потеря трехсот очков окажется для нас фатальной, — тихо произнес Кейсей, который является не только членом группы Аянокоджи, но и другом Айри.

— Юкиму, ты это сейчас серьезно? Неужели ты согласен с исключением Айри?!

— Н-нет! Пока я с этим не согласен!

— «Пока»? Выходит, ты еще поменяешь мнение? Хватит этот бред нести!

— Нет, я лишь...

Харука, словно осознав происходящее, прикусила губу, а затем пришла к выводу:

— Просто отвратительно. Уму непостижимо. Как это понимать вообще, мы разве не были друзьями? — ледяным голосом Харука обратилась не только ко мне, но и к высказавшему свои мысли Кейсею. — Впрочем, это и остальных касается. Вы даже не пытаетесь защитить кого-то помимо себя. Раз сами в безопасности, правильно, с чего за Айри переживать, с которой вы особо-то и не дружили. Кё-чан важнее, видимо, потому что ею вы можете воспользоваться, да? А вот ту, кто никак не обременяет класс и всеми силами пытается идти с одноклассниками рука об руку, можно бросить? Браво-браво, лучший класс!

Своим легкомысленным комментарием Кейсей наглядно доказал, что любое неосторожное высказывание может вызвать отвращение со стороны Харуки. Поэтому все в классе затаились, чтобы ненароком не пасть в немилость за просто брошенный взгляд.

— Да и плевать. Я не позволю исключить Айри. Если вам это не по душе, голосуйте тогда против меня. С радостью уйду от таких, как вы.

В отличие от стратегии Кушиды, Харука для защиты Айри решила на собственное исключение. Но и это входит в мои расчеты, Харука. Точнее говоря, ты своими же высказываниями затягиваешь петлю на шее.

— П-постой, Харука-чан! Я тем более не смогу выгнать тебя!

— Ничего, Айри. Ты должна остаться в школе. Этот класс мне никогда и не нравился. Но мне было весело с тех пор, как подружилась с тобой, Киёпоном, Юкиму и Миячи. Я думала, после исключения Ямаучи-куна подобного больше не произойдет, думала, что вместе-то нам все нипочем... — затем Харука повернулась к Чабашире и обратилась уже официально: — Я предлагаю себя в качестве кандидата. Время у нас все равно на исходе, да?

Как я и предполагал, приоритет отдается ее заявлению, и оно же стало шагом на эшафот.

— Слышишь меня, Айри? Непременно проголосуй «За». А остальные возражать и не станут, как я понимаю? Раз сможете себя защитить, то вам нет смысла выбирать «Против».

— Но я... я ни за что не смогу так поступить!!! — прокричала Айри, давая понять, что не станет голосовать против Харуки.

— Все нормально. Я не буду испытывать сожалений, если смогу защитить тебя, ценой своего исключения.

— Но ведь!..

— Прекратить разговоры. Объявляется начало голосования.

Волевое решение Харуки положило начало новому голосованию. На экране после подсчета отобразились результаты.

Результаты двадцать первого голосования: тридцать пять голосов «За», три – «Против».

«За» проголосовали почти все, однако нашлись три человека, кто выбрал «Против». Пожалуй, для Харуки не составит труда понять, кто оказался в этой тройке.

— Айри...

Один голос, несомненно, принадлежит Айри.

— Не могу. Я не могу позволить исключить тебя, Харука-чан... Просто не могу!..

— Я делаю это, чтобы уберечь тебя! И вы тоже... Миячи, Юкиму, не поступайте так!

Харука уже приготовилась покинуть школу, но все же нашлись ученики, которые не собирались с этим мириться.

— Я не хочу, чтобы тебя исключили... Просто не смог проголосовать «За», — с мукой на лице ответил Акито, смотря ей прямо в глаза.

— А вот против Айри не возражал бы, да?

— Этого я не говорил, но... Если выбирать все же придется... я...

— ...Прости! — внезапно прервал их крик Кейсея. Он встал со своего места и опустил голову. — Я... проголосовал «За»... Потому что если так и дальше пойдет... мы не достигнем класса А...

Его признание прозвучало так, словно никто бы не догадался об этом, если бы он продолжил молчать.

— А? Тогда кому принадлежал последний? Кто проголосовал «Против»?

— Этот голос принадлежал мне.

— К-как это понимать, Киёпон?! Тебе ведь ни к чему меня защищать, разве нет?

— Я же говорил, по новому плану я должен избавиться от наименее способного ученика класса. Кто бы ни озвучил другое имя, никто не сможет этого изменить — ни ты, выдвинувшая себя, ни Кушида, которая ранее пыталась провернуть это с другим. У вас ничего не выйдет.

Если отступить хотя бы на шаг, об единогласном «За» можно забыть.

— Хасебе-сан... Но Айри так-то и правда занимает последнее место в системе «ОИС». Нам не повредит отделить ученика, не вносящего вклад в классе, разве не так?.. — высказала мнение Мацушита, осознавая риски таких слов.

— Брось эту чушь! Попробуй поставить на ее место любого из своего окружения! Если бы пришлось исключить лучшую подругу, смогла бы улыбаться после этого, как ни в чем не бывало? Вот я бы точно не смогла. Совершенно точно не смогла бы!

— Айри должна быть исключена. Иного выбора нет.

— Нет... Киёпон, нет! Кто бы ни голосовал «За», но ты, Киёпон... ты непременно должен оставаться на стороне Айри!

Я это понимаю. Прекрасно понимаю. И именно поэтому, Харука, говорить об этом приходится мне.

— Мое мнение остается прежним. Если ты не можешь проголосовать в пользу исключения Айри, классу конец.

— Поступай, значит, как знаешь! А я до самого конца буду против этого!

Всего один человек. Если один будет неотступно голосовать «Против», исключение не состоится. Это правило абсолютно. И наиболее эффективным способом нарушить его является...

— Спасибо тебе, Харука-чан... Но не стоит! — дрожащим голосом сказала Айри, при том с улыбкой, словно до нее дошло.

— Ай... ри?..

— Если класс в ком и не нуждается... то, скорее всего, во мне... Киётака-кун ни в чем не ошибся, Харука-чан.

— Айри!

— Он прав. Если класс должен кто-то покинуть, то это буду я, как самая большая обуза.

Она - та, кого хотят исключить - сама предостерегает от голоса «Против».

— Нет, я так не могу! Ни за что не позволю тебе уйти! Я своего мнения не изменю! Ну и пускай мы не станем классом А, я сделаю все, чтобы выпустились мы вместе, Айри!

— Так нельзя. Ты непременно пожалеешь о своем решении спасти меня сейчас. И мне тоже будет грустно, если из-за меня не получится подняться до класса А.

— Пустяки! Твоей вины здесь не будет! Я хочу уберечь тебя лишь из-за своих капризов!

— Спасибо... Но я не могу взвалить эту ношу на тебя, Харука-чан.

— Да что, о какой еще ноше... Ничего подобного!..

Никто не даст гарантий, что защита непременно пойдет ей на пользу. Ситуация может принять скверный оборот, и тогда Айри навредит даже голос «Против».

— Самопожертвование – звучит красиво, согласись. Слово производит сильное впечатление. Думаю, все в классе испытывают неопишемое облегчение от того, что среди них есть некто вроде тебя, Харука. Если так можно беспрепятственно пройти дальше, возможно, стоит-таки рассмотреть этот вариант. Так, посмотрим... Судо, ты жертвуешь собой ради класса?

— Н-нет... я... ну...

— А ты, Сато?

— Я? Н-ну, я, как бы сказать...

— Что скажешь ты, Онодера?

— ...Думаю, не смогу, наверное...

— Кого бы мы не спросили, ответ останется прежним. Никто не станет жертвовать собой.

— Я вот совершенно не против. Тогда никаких проблем возникнуть не должно...

— Положиться на жертвенность ученика. Стоит лишь раз воспользоваться таким простым решением, и впредь, оказавшись в похожей ситуации, все придет к тому, что мы снова будем искать добровольца. Только для справедливости места уже не найдется.

— И знать не хочу... этой твоей логики! Я хочу защитить Айри! Только и всего!

— Даже если сейчас ты защитишь ее ценой своего ухода, это не отменяет того, что ее могут исключить уже на следующий день.

— Не надо говорить мне о неопределенном будущем!

— Другим оно быть не может. Тем не менее от нас требуется избрать лучший выход.

Харука слышала все мои бесконечные убеждения, но она не воспринимала их. Айри, напротив, слушала и понимала, о чем я. А это самое главное.

— Все в порядке, Айри, все обойдется. Я не изменю свой голос «Против». Даже если остальные будут голосовать «За»...

— Ребята... прошу вас, проголосуйте против меня.

Голос Айри угасал все сильнее, но все присутствующие смогли разобрать каждое слово.

Харука крепко сжала руки Айри, продолжив и дальше отчаянно упорствовать:

— Нет уж! Ни за что... Еще вчера нам было так весело... Даже взять сегодняшнее утро... Незамысловатое утро – мы встретились с тобой по пути в школу, пошли вместе. Всю дорогу болтали о всяких мелочах, обсудили культурный фестиваль... Помнишь, ты еще хотела позвать сегодня Киёпона и устроить сюрприз со своим дебютом? И тут вдруг лишиться всего...

Осталось менее десяти минут. Другими словами, следующее голосование станет последним. Неважно, чью судьбу придется решать, уже никто не станет легкомысленно отдавать голос варианту «Против». Вот какой вес несет в себе финальное голосование.

Айри качнула головой, отказавшись от протянутой руки Харуки.

— Нет... Нет. Нет! НЕТ!!! — она закричала, словно ребенок, отрицая и отказываясь признавать происходящее.

Айри вместе с тем, произнося слова благодарности, пытается убедить подругу принять ее выбор.

Теперь ничего нельзя изменить.

Харука наконец осознала это; совершенно разбитая, она осела на пол.

— Она приняла отсутствие у нее способностей, тем самым сделав шаг вперед. Мы обязаны считаться с ее мнением. Ты вольна проголосовать «Против» на следующем голосовании. Но Айри все равно не сможет долго оставаться в этой школе. И когда она уйдет, ее будут грызть муки совести за то, что втянула одноклассников в эту ситуацию. Харука, если ты действительно хочешь спасти свою подругу, тебе следует отдать голос «За» и позволить Айри идти дальше.

— Я... Я...

Айри крепко обняла приунывшую Харуку.

— Спасибо тебе, Харука-чан... Спасибо за то, что все это время спасала меня. Я не смогу

отплатить тебе, но... выслушай напоследок мою просьбу.

— Нет, Айри, я этого...

— Проголосуй против меня.

Айри утешающе погладила Харуку – та зашлась слезами – по голове, затем обратилась к Чабашире:

— Выдвигаю себя в качестве кандидата. Прошу вас, начните голосование.

Усадив Харуку к себе, Айри направилась к своей парте, окончательно смирившись с тем, что ее ждало.

Голосование объявили, но оно все не заканчивалось.

Прошло шестьдесят секунд, затем семьдесят, но голосование продолжалось.

Каждому ученику отведено девяносто секунд персонального времени. Через примерно семьдесят из школы исключена будет Харука.

Раз Айри, ее лучшая подруга, исчезнет из этого класса, она последует за ней. Неудивительно, что подобные мысли крутятся у нее в голове. Если она выберет заведомо проигрышный вариант, ничего тут уже не поделаешь.

Класс пострадает от потери еще одного человека, но без Харуки единогласное решение будет достигнуто без препятствий.

Прошло сто секунд, скоро останется всего сорок.

Харука продолжала всхлипывать. Не похоже, чтобы она собиралась притрагиваться к планшету.

— Харука-чан! — раздался крик Айри. В нем слышались гневные нотки, которые еще не доводилось слышать от нее.

Харука от испуга, точно бы ее ударили по спине, подняла заплаканное лицо; Айри улыбнулась в ответ и кивнула.

Если Харука не решится и не проголосует, сведет на нет все усилия Айри.

— Голосование завершено. Объявляются результаты.

Результаты двадцать второго голосования: тридцать восемь голосов «За», ноль – «Против».

Чабашира, оказавшись свидетелем героического противостояния, забыла объявить о завершении экзамена. Она лишь молча смотрела на Айри и Харуку.

Айри выпрямилась и посмотрела прямо, словно окончательно смирившись со своим исключением. Тем временем Харука, которая не смогла ее защитить, тщетно пыталась сдержать плач от утратившего дара речи класса.

— А, эм... Кхм. Чабашира-сенсей, прошу вас продолжить. — хладнокровный и безмолвный наблюдатель, который до сих пор ограничивался лишь минимально необходимыми предупреждениями и замечаниями, словно сам позабыл о том, что следует напомнить о сигнале к окончанию специального экзамена.

— ...Последнее задание завершается единогласным решением в пользу исключения Сакуры Айри. В соответствии со сделанным выбором классу присуждается сто очков. На всякий случай до вашего сведения, что отменить исключение можно лишь одним способом – прямо сейчас выплатить двадцать миллионов частных баллов... — продолжила Чабашира согласно своим обязанностям, однако в какой-то момент осеклась. — Хотя вам это объяснять не нужно.

Сумму в двадцать миллионов частных баллов мы не наберем, даже если скинется весь класс.

— Остальные три класса уже завершили специальный экзамен, однако вам все равно следует незамедлительно отправиться в свои комнаты. Сакура, останься пока здесь, позже мы вместе отправимся в учительскую.

— Хорошо.

Если раньше Айри говорила тихо, то этот ответ Чабашире она сказала уже решительным голосом:

— На этом все. Всем встать со своих мест. В соответствии с моими указаниями, покиньте класс.

Каждый вразнобой стал вставать из-за своих парт. Сидеть осталась только Айри, как ей и было сказано.

Харука не могла найти сил, чтобы встать. Она отчаянно пыталась унять дрожь в ногах, но ей это никак не удавалось. Ее дыхание стало прерывистым, проявились симптомы гипервентиляции легких. Акито не мог остаться безучастным, потому подбежал к ней, подхватил и помог встать на ноги.

Ничего путного не выйдет, если останусь на месте. Я переступил порог класса и вышел в коридор, где вернул свой телефон. Вслед за мной сразу же вышел Кейсей.

— Киётака... Я не собираюсь говорить, что ты в чем-то был неправ. Просто... скажи, я... правильно ли я поступил? Нет, какой смысл спрашивать... Просто забудь. — почувствовав приступ тошноты, Кейсей отвернулся и пошел дальше по коридору.

Полагаю, не стоит дожидаться Харуку и Акито. Дело тут не в правильности. Весьма маловероятно, что они не выкажут эмоции тому, кто возглавил процесс отказа от столь важного для нас члена группы.

А вот Кей направилась в мою сторону. Я заметил, что она явно на взводе, но решил взглядом остановить ее. Будет лучше, если я оставлю Кей наедине с собой и позволю ей самой спокойно разобраться со скорбью. Нет смысла навлекать на себя еще больший гнев.

Кажется, Чабашира говорила о том, что хотела встретиться со мной после специального экзамена. Я заглянул в телефон, там было одно новое сообщение. Встречу она назначила на шесть часов вечера. У меня есть еще немного времени.

Для себя я решил, что не следует задерживаться в этом месте, потому собрался уйти. Если сразу не отправлюсь к главному выходу, то столкнусь с Кейсеем и другими учениками.

Как бы то ни было, с Чабаширой я уже договорился, поэтому остается только прогуляться по территории школы там, где обычно мало кто бывает.

— Аянокоджи-кун.

Я знал, что один человек последовал за мной. Этот кто-то окликнул меня, когда рядом никого не было.

— Что такое? Ты разве не хотела переговорить с Кушидой?

— Нет, сейчас она мне ни на какие вопросы не ответит. Я всего лишь предупредила, чтобы она не впадала в отчаяние.

В окружении Кушиды было полно тех, кого можно назвать друзьями, но после экзамена никто не попытался с ней заговорить. Закономерно, что после демонстрации истинного лица к ней стало труднее подобраться.

— Прости меня. — Хорикита склонила голову в глубоком поклоне, отчего ее волосы, успевшие немного отрасти, заколыхались. — На этом специальном экзамене... я... моих способностей оказалось недостаточно...

— Недостаточно? Ты выложились по полной, разве нет? В этот раз выдалась тяжелая борьба, она не идет ни в какое сравнение с прошлогодним «Классным опросом».

— Каким бы трудным ни было это испытание, бремя легло на твои плечи... И даже ответственность вся оказалась целиком на тебе, хотя она должна быть должным образом распределена.

Исключения в сложившейся ситуации избежать было нельзя. Вероятно, поэтому Хорикита хотела единолично заявить о своих намерениях.

— Все в порядке. Это же я не дал тебе договорить.

— Ничего не в порядке. В столь важной для тебя группе теперь останется огромный шрам... И я не думаю, что он когда-либо затянется.

— Ничего. Возможно, настанет тот день, когда это окажется даже к лучшему.

Если бы я решил задействовать Хорикиту, ответственность действительно можно было бы разделить поровну. Но изначально я хотел не этого.

— К лучшему?.. В каком смысле?

— Нет, не бери в голову. Это все пустяки.

Разумеется, сейчас не получится ее переубедить, но я бы не хотел, чтобы прошедший специальный экзамен преследовал ее и дальше.

— Думай об этом позитивно. Мы заполучили сто драгоценных очков, которые позволят нам подняться до класса А. Это достаточно внушительная сумма.

— И все же... мы потеряли Сакуру-сан.

— Но в результате ее ухода повысился средний показатель класса. Идеальное завершение.

— Прекрати. Нет нужды через силу делать вид, что тебя это никак не тронуло.

— Через силу?

Я уже собирался возразить, но вместо этого решил подыграть:

— Возможно, ты права – может, я действительно пытаюсь подавить в себе неприятные чувства...

— Киётака-кун! — из другого конца коридора послышался знакомый ласковый голос.

Оклик застал Хорикиту врасплох, отчего она обернулась. Увидев обладательницу голоса, она от удивления проронила:

— Сакура-сан, ты?..

Айри не отличалась выносливостью – запыхавшаяся, она сбавила шаг и подошла к нам.

— Пожалуй, я пойду...

— Да, так будет лучше.

Когда Хорикита поравнялась с Айри, она попыталась заговорить с ней, но так и не решилась. Возможно, просто не смогла найти подходящих слов для человека, которому суждено нас покинуть.

— Я во что бы то ни стало хотела показаться тебе напоследок... Что скажешь, Киётака-кун?

Непосредственно перед началом голосования, Харука говорила про какой-то дебют. Так вот, оказывается, о чем шла речь.

— Тебя не узнать. Неудивительно, что Хорикита на мгновение даже не поняла, что это ты.

— Хотя я немного... поздновато решилась на это... Хи-хи-хи, — смущенно улыбнулась Айри, снявшая очки. Ее волосы были красиво уложены в модную прическу. — Понимаю, не мне о таком говорить, но... Насчет Харуки-чан... Позаботься о ней, ладно?

— Хорошо.

— Пока-пока, Киётака-кун.

Продemonстрировав невообразимую улыбку, какую я еще прежде не видел, Айри повернулась ко мне спиной. Она пошла вперед, но с каждым шагом замедлялась – казалось, она вот-вот остановится. Тем не менее она упорно продолжала идти дальше, стараясь не оглядываться.

В безлюдном коридоре раздается ее голос, всхлипывания и плач, который она безуспешно пытается подавить.

Картина всколыхнула воспоминания об одних и тех же сценах из прошлого.

Выбывающий, когда становится уже слишком поздно, всегда испытывает сожаления от собственной беспомощности.

Это было характерно не только для Белой комнаты – даже эта школа не является исключением.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96877/1826580>